

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Сергей КОВАЛЕНКО,

соискатель кафедры сравнительного и европейского права
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

This article is dedicated to the investigation of theoretical and practical issues of International Court of Justice activity in regard to state responsibility in order to apply acquired aforementioned practices for solving questions of responsibility of international organizations. Performed analysis of legal capacity of the other international judicial bodies in order to solve responsibility of international organizations. Also highlighted key points on gaps in the regulation of International Court of Justice activity and necessary measures for filling of above mentioned gaps. Put forward proposals on improvement of standing provisions in UN and International Court of Justice constituent acts in respect of improve efficiency of judgments execution of aforesaid court.

Key words: International Court of Justice, international organization, international responsibility, decision, advisory opinion.

Аннотация

Статья посвящена исследованию теоретических и практических аспектов деятельности Международного суда ООН в отношении ответственности государств с целью применения накопленной им практики к регулированию вопросов ответственности международных организаций. Проведён сравнительный анализ правового потенциала других международных судебных органов в решении вопросов ответственности международных организаций. Также расставлены акценты на существующих пробелах в международно-правовом регулировании в части реализации международного правосудия в отношении международных организаций на базе Международного суда ООН, а также на необходимых мерах по устранению этих пробелов. Выдвинуты предложения об усовершенствовании действующих положений в уставах ООН и Международного суда ООН в отношении повышения эффективности выполнения решений последнего.

Ключевые слова: Международный суд ООН, международная организация, международная ответственность, решение, консультативное заключение.

Постановка проблемы. Современное международно-правовое регулирование ответственности международных организаций (договорное регулирование, принципы международного права, обычное международное право, Статьи об ответственности международных организаций (далее – СОМО), утверждённые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) A/RES/66/100 от 09.12.2011 г. («мягкое» международное право)) не способно обеспечить полную эффективность реализации ответственности международных организаций из-за отсутствия в их положениях надлежащих процессуальных механизмов. Следует отметить, что в положениях некоторых международных договоров закреплены как оговорки о рассмотрении споров об ответственности субъектов международного права и международных отношений национальными судами (ст. X, XI Международная конвенция об ответственности ядерных судов от 25.05.1962 г., ст. XI Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб от 21.05.1963 г.), так и оговорки о рассмотрении таких споров международными судебными органами (ч. 2 ст. 17 Конвенции о фи-

зической защите ядерного материала от 03.03.1980 г.), но это не решает указанный вопрос даже в сфере действия таких договоров.

При этом оговорки в отношении национальных и международных судов содержатся не во всех международных договорах. Судебные оговорки также отсутствуют в СОМО. В некоторых случаях их присутствие не решает всех вопросов ответственности международных организаций, а даже наоборот, способно породить ряд других проблем (например, отсылка к компетентным национальным судам порождает нечеткость процесса ответственности международных организаций из-за возможной сложности в определении компетентного суда). Международные судебные органы, которые столкнулись с вопросами ответственности международных организаций, обладают ограниченной компетенцией, которая сводится к рассмотрению определённого круга дел. Так, Международный трибунал по морскому праву (далее – МТМП) может рассматривать дела в рамках морского права, например дело № 7 открыто 20.12.2000 г. специальной камерой по запросу Чили и ЕС в отношении защиты и устойчивой эксплуатации популяции рыбы-меч в южно-восточной

части Тихого океана. Также Орган по рассмотрению споров Всемирной торговой организации (далее – ОРС ВТО) и рассмотренное им дело Китая против ЕС, результаты которого выражены в докладе Экспертной группы об антидемпинговых мерах на некоторые виды обуви из Китая от 28.10.2011 г., может послужить примером ограниченности компетенции судов по рассмотрению споров с участием международных организаций. Международной практике известны также примеры, когда ограниченность компетенции международного суда сочетается с нераспространением его юрисдикции даже на определённые международные организации (например, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) из-за того, что ЕС на данное время ещё не является участником Конвенции 1950 г.).

Обладание этими международными судебными органами более широкой компетенцией не решит проблему отсутствия у них достаточных рычагов влияния на стороны дела в части выполнения постановленных ими решений (например, решения ЕСПЧ игнорируются в настоящее время некоторыми государствами [1, с. 15-19]).

Актуальность темы исследования. Из этого следует, что в международном

правопорядке отсутствует эффективный универсальный международный судебный орган, который уполномочен на рассмотрение дел с участием международных организаций. С учётом накопленной практики в области ответственности государств, эффективности исполнения решений, круга решаемых вопросов, на роль такого международного судебного органа может претендовать Международный суд ООН (далее – МС ООН).

Состояние исследования. Теоретические исследования вопроса о роли МС ООН в решении проблемы ответственности международных организаций присутствуют в большинстве научных работ по теме «Ответственность международных организаций». При этом круг исследований, в котором прямо или косвенно присутствует идея о включении международных организаций наряду с государствами в состав участников судебных процессов в рамках МС ООН, значительно сужается и представлен западными (Ш. Розенн, П. Джессопа, Д.В. Боуэйт, А. Ноллкэмпер), русскими (Е.А. Шиббаева, А.М. Солнцев), украинскими (Д.О. Денисова, И.И. Лукашук) учёными. Однако и конкретные аспекты изменений в уставы ООН и МС ООН с целью включения международных организаций в состав полноценных сторон судебных дел для реализации их ответственности, и соответствующие практические вопросы в рамках МС ООН, в сравнении с другими авторитетными международными судебными органами, рассмотрены недостаточно широко, поэтому данная проблематика должна стать основой более глубокого отдельного исследования.

Целью и задачей статьи является исследование практики МС ООН в сфере ответственности государств для решения проблемных вопросов ответственности международных организаций.

Изложение основного материала. Практика Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП), например, дело о фабрике в Хоржуве 1927 г. [2, с. 32], и ее правопреемника – МС ООН уже сыграла и продолжает играть важную роль в развитии права международной ответственности. М. Папаринскис верно отмечает, что МС ООН и его предшественник ППМП сделали значительный вклад в разви-

тие международного права, а особенно – права ответственности государств [3, с. 295]. Поскольку институт ответственности государств и институт ответственности международных организаций построены на совместных правилах и принципах права международной ответственности, о чем свидетельствует работа Комиссии международного права ООН (далее – КМП ООН) над Статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее – СО-ОГзМПД) и СОМО, то практика МС ООН имеет определенное отношение и к развитию института ответственности международных организаций.

МС ООН своими консультативными заключениями от 11.04.1949 г. о компенсации за увечья, понесённые на службе в ООН, и от 20.12.1980 г. по поводу толкования Соглашения между ВООЗ и Египтом от 25.03.1951 г. подтвердил, что международные организации являются субъектами международного права, а также наличие у них международной правосубъектности на предъявление претензий в международном порядке [4, с. 9-11, 138-142]. Эти консультативные заключения стали опорой для современного этапа развития института международной ответственности международных организаций.

Руководствуясь ч. 2 ст. 96 Устава ООН, главой IV Устава МС ООН, право запрашивать у МС ООН консультативные заключения, кроме органов ООН (ГА, Совет Безопасности (далее – СБ) и т. д.), принадлежит лишь специализированным учреждениям ООН. По словам Р. Волфрома, МС ООН никогда не отказывал Генеральной Ассамблее ООН в предоставлении консультативных заключений. Такой отказ имел место лишь в отношении одного специализированного агентства [5, с. 47]. С помощью процедуры получения консультативных заключений от МС ООН международная организация может заявить о своих нарушенных правах и добиться их реализации, а МС ООН может на основании ч. 2 ст. 34 своего Устава запрашивать от международных (публичных) организаций информацию по рассматриваемым им делам, которая может повлиять на конечное решение МС ООН. Так как другие международные организации лишены права запра-

шивать консультативные заключения, исправить существующий пробел возможно через внесение изменений в ст. 96 Устава ООН и ст. 65 Устава МС ООН.

В отличие от компетенции МС ООН на предоставление консультативных заключений некоторым международным организациям, он не уполномочен рассматривать дела с участием международных организаций [6, с. 76, 286]. Из этого следует, что обязательные решения МС ООН, выносимые по результатам рассмотренных дел, касаются лишь государств. Хотя во время рассмотрения вопросов по поводу пересмотра Устава ООН выдвигались предложения о распространении юрисдикции МС ООН и на международные организации, которые в силу этого могли бы быть сторонами дел в МС ООН. Однако на XXIX сессии ГА ООН было снято рассмотрение этого вопроса [7, с. 73]. Похожая ситуация также имела место ещё при разработке Устава МС ООН. Ш. Розенн акцентирует внимание на том, что не всегда в комитетах по разработке уставов ООН и МС ООН позитивно реагировали на позиции делегаций в части рассмотрения международных организаций как сторон в делах МС ООН [8, с. 622]. М.О. Хадсон по этому поводу дополняет, что предложение относительно участия международных организаций в делах МС ООН была внесена Международным бюро труда в 1944 г. на Вашингтонской конференции [9, с. 1, 30].

То, что международные организации не имеют *locus standi* в МС ООН, по словам П. Джессопа, имеет больше политические, нежели юридические причины [10, с. 25]. Д.В. Боуэйт говорит о «небольшой логике» в отказе международным организациям в доступе к МС ООН [11, с. 189]. С мнением последнего автора можно согласиться. Больше того, доступ международных организаций к МС ООН позволил бы развязать много правовых вопросов, связанных с ответственностью международных организаций в международном праве. Как показывает практика, решая вопросы о нарушении государствами их обязательств по международным договорам, МС ООН уже сегодня может касаться некоторых аспектов права международных организаций (решение МС ООН от 05.12.2011 г. по поводу заявления о Временном соглашении

от 13.09.1995 г. (Бывшая Югославская Республика Македония против Греции) [12, с. 661]). Следует заметить, что в данное время такие действия со стороны МС ООН не могут вызывать никаких юридических последствий в отношении международных организаций.

Руководствуясь вышеизложенным, рассмотрим некоторые аргументы в пользу МС ООН в качестве универсального международного судебного органа по решению вопросов международной ответственности международных организаций. Деятельность международных организаций сопряжена с множеством рисков и с привлечением большого круга субъектов международного права, что не всегда может иметь достаточное правовое регулирование, особенно в части международной ответственности. А. Нолла-эмпер, анализируя практику международных судебных органов (МС ООН, ОРС ВТО, ЕСПЧ, МТпМП), пришел к заключению, что лишь МС ООН имеет соответствующие наработки в отношении рассмотрения вопросов коллективной ответственности [13, с. 293].

С учетом этого, МС ООН в соответствии с ч. 2 ст. 36 своего Устава также может устанавливать факты нарушения международного обязательства, собирать доказательства, проводить их оценку и определять размер возмещения. МС ООН в параграфе 78 дела по поводу военных действий на территории Конго (Конго против Уганды) от 19.12.2005 г. отметил, что большинство фактов и событий в этот период являются непрямыми и менее подтверждены, нежели те, что проистекают из заявлений, сделанных под клятвой на Комиссии Портера [14, с. 206].

В других делах МС ООН сделал еще более решительные заявления и выводы. В частности, в постановлении МС ООН от 02.06.1999 г. по делу о применении силы (Югославия против Канады) указано, что независимо от того, признают ли государства юрисдикцию суда, они должны нести ответственность в соответствии с международным правом [15, с. 88]. В другом деле о применении силы (Югославия против Бельгии) от 02.06.1999 г. МС ООН подчеркнул, что все стороны должны действовать в соответствии с Уставом ООН и другими нормами международного права [16, с. 79-80].

По результатам оценки доказательной базы МС ООН может опровергнуть ответственность стороны дела или установить форму, размер, способ возмещения. Так, по делу 2005 г. (Конго против Уганды) МС ООН рассмотрел фактические обстоятельства, не подтвердил (параграфы 147, 149, 153, 161, 163, 165) утверждение Уганды о том, что ее военные действия на территории Конго носили характер самообороны, определил такие действия нарушением ч. 4 ст. 2 Устава ООН (закреплен принцип запрета применения силы или угрозы силой) и других норм международного права, а также отдельно отметил и нарушения Руанды (действовавшей на стороне Уганды), правда, без внесения в резолютивную часть решения (параграф 154). В своем решении по указанному делу МС ООН обязал как Конго, так и Уганду выплатить друг другу возмещение нанесенных убытков (например, со стороны Конго возместить Уганде убытки за вред ее дипломатическим помещениям, архивам, дипломатам). При этом действия Судана на стороне Конго остались незамеченными МС ООН из-за недостаточности доказательств (параграфы 127, 128, 130, 131, 298) [17, с. 209, 223-224, 226-227, 280-282].

В решении по делу военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против США) от 27.06.1986 г. МС ООН использовал похожий с предыдущим делом подход, но при этом уточнил, что именно форма и размер возмещения США в пользу Никарагуа должны быть согласованы сторонами в соглашении, а при его отсутствии этот вопрос решит МС ООН [18, с. 149].

Во втором докладе В. Рипхагена – специального докладчика КМП ООН по поводу содержания, форм и размера ответственности, за 1981 г. отмечалось, что международные суды и арбитражные трибуналы не всегда являются объективными в оценке суммы возмещения за нанесенный ущерб [19, с. 92]. Согласиться с этим замечанием можно лишь частично, так как для вынесения решения о возмещении имеет значение доказательная база. Примером этого может быть дело МС ООН об оценке размера компенсации (Великая Британия против Албании) от 15.12.1949 г., где этот суд, опираясь на дело по пово-

ду протоки Корфу от 09.04.1949 г. [20, с. 23, 36], данные Великой Британии по оценке нанесенных ей Албанией убытков и оценку экспертов, решил, что сумма компенсации в пользу Великой Британии составляет 843947 фунтов стерлингов [21, с. 250].

Поскольку нанесенный вред может возмещаться не только в материальной, но и в нематериальной форме, важно отметить параграф 169 упомянутого выше решения МС ООН от 05.12.2011 г., где после оценки действий сторон по делу МС ООН пришел к выводу, что Греция нарушила свои обязательства перед Македонией в соответствии со ст. 11 Временного соглашения, что требует надлежащей сатисфакции [22, с. 693].

Кроме обусловленных практических моментов еще одной гарантией эффективности деятельности МС ООН является возможность рассмотрения дел по справедливости (от лат. *ex aequo et bono*). Такой компетенции в соответствии с ч. 2 ст. 293 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. наделен также и МТпМП. Но круг вопросов, которые он может решать, ограничивается международным морским правом. Скорее как исключение, нежели правило, в практике МТпМП бывают случаи, когда он может выходить за рамки Конвенции ООН 1982 г. и других норм международного морского права. По словам В.Х. Оксмана, МТпМП может применять международное право прав человека [23, с. 399]. Учитывая это, нужно отметить, что МС ООН (ч. 1 ст. 36, ч. 2 ст. 38 Устава МС ООН), в отличие от МТпМП, обладает более широкой компетенцией.

Таким образом, при наличии пробелов в международном праве и при наличии согласия сторон МС ООН может решить дело *ex aequo et bono*. В деле об иммунитетах специального докладчика Комиссии по правам человека от судебного производства от 29.04.1999 г. [24, с. 87] и в деле Боснии и Герцеговины против Сербии и Черногории 2007 г. [25, с. 202] МС ООН установил и подтвердил, соответственно, как норму международного обычного права то, что поведение любого органа государства рассматривается как поведение такого государства. Эта норма закреплена в СООГзМПД (ст. 4) и в СООМО (ст. 6).

Из приведенных выше фактов следует, что МС ООН имеет достаточный,

на примере государств, потенциал для решения вопросов ответственности международных организаций. Д.О. Денисова, исследуя практическую необходимость рассмотрения в рамках МС ООН споров при участии международных межправительственных организаций и доступа потерпевшей стороны (государства в целях защиты своих интересов и защиты интересов индивидов в миротворческих операциях) к механизму МС ООН, предложила внести изменения в ст. 34 Устава МС ООН путём включения международных межправительственных организаций на уровне с государствами в качестве возможных субъектов в спорах, рассматриваемых последним [26, с. 163]. В свою очередь Ассоциация международного права в своих исследованиях выделяет два подхода в виду доступа международных организаций к системе МС ООН: не прямой – через запрос консультативных заключений, с намёком на её обязательность в привязке к иммунитетам, прямой – посредством участия в делах МС ООН. Также эта организация отстаивала необходимость внесения соответствующих изменений в ст. 34 и 36 Устава МС ООН [27, с. 49, 51-53.]. Мы придерживаемся мнения, что указанных изменений недостаточно для юридического решения вопроса о доступе международных организаций и других субъектов в связи с деятельностью первых к системе МС ООН. Изменения в форме дополнения понятием «международная организация» целесообразно также внести в ст. 35, ч. 2 ст. 36, ч. 3 ст. 40, ч. 1 ст. 62, ст. 63, ст. 66-67 Устава МС ООН. Кроме этого, необходимо дополнить ч. 1 ст. 44 Устава МС ООН, вставив в конце этой статьи фразу «и компетентного руководства международной организации».

Принимая во внимание особенную мысль судьи МС ООН Оды касательно постановления МС ООН от 02.06.1999 г. по делу о правомерности применения силы (Югославия против Бельгии), в которой было отмечено, что Югославия, не будучи членом ООН, не является участником Устава МС ООН [28, с. 81], необходимо внести изменения в п. 2 ст. 93 Устава ООН, включив рядом со словом «государство» понятие «международная организация». Для достижения максимального доступа международных организаций к системе МС

ООН необходимо внести соответствующие изменения и поправки в п. 1 ст. 94 и раздел С «Судопроизводство в Суде» Устава ООН и регламент МС ООН.

Внедрение предложенных изменений возможно лишь при наличии воли со стороны международных организаций и их членов. В практике ПМПП (дело о фабрике в Хоржуве 1927 г.) и МС ООН (параграф 29 решения МС ООН по делу касательно граничных и трансграничных вооружённых действий Никарагуа против Гондураса от 20.12.1988 г. [29, с. 83]) акцентируется внимание на обязательности юрисдикции суда только при наличии заявления от государства. Практике известны случаи, когда вместе с заявлением об обязательности юрисдикции МС ООН делалась оговорка об исключении обязательности такой юрисдикции (например, делегация США отобразила это в докладе на конференции Организации американских государств в 1948 г. [30, с. 48]).

Реализация изменений в уставах МС ООН и ООН позволит внедрить дополнительные (так как основные содержатся в части четвертой СОМО) средства влияния и решения сложного процесса ответственности международных организаций. МС ООН в предварительных возражениях по делу Северного Камеруна (Камерун против Соединённого Королевства) от 02.12.1963 г. постановил, что решения суда должны нести определённые практические последствия в контексте существующих прав и обязательств, для того чтобы разграничить неопределённость от правовых отношений [31, с. 34]. Среди таких средств влияния можно выделить обязательность для сторон спора решений МС ООН и возможность в случае целесообразности применения со стороны СБ ООН (ограничивается случаями угрозы или применения силы) необходимых мер для принуждений ответственных субъектов, а в случае внесения указанных изменений и международных организаций – к выполнению решений МС ООН.

МС ООН в своём консультативном заключении от 20.07.1962 г. подтвердил, что лишь СБ ООН может санкционировать принудительные силовые меры против агрессора [32, с. 163]. Из ст. 4 резолюции ГА ООН № 3314 (XXIX) от 14.12.1974 г. следует, что в компетенцию СБ ООН входит определение не отображённых в тексте указанной резолюции актов агрессии в соответствии с

Уставом ООН. В консультативном заключении от 21.06.1970 г. о правовых последствиях для государств, вызванных их продолжающимся пребыванием в Намибии, МС ООН указал (параграф 111), что квалификация СБ ООН ситуации (в соответствии с п. 2 резолюции СБ ООН 276 1970 г.) как противоправной является первым шагом к её прекращению. Далее, ссылаясь на своё консультативное заключение от 11.04.1949 г., МС ООН подчеркнул, что государства должны выполнять решения СБ ООН [33, с. 52, 54-58]. При этом отметим, что в случае невыполнения постоянным членом СБ ООН решения МС ООН, очень тяжело (из-за ключевой роли постоянных членов СБ ООН при принятии решений в СБ ООН) найти международно-правовые рычаги влияния на такого члена [34, с. 29].

В контексте всего вышеуказанного уравнивание всех международных организаций с государствами перед МС ООН позволит решать по аналогии с государствами споры при участии международных организаций. Достижение этой цели приобретает дополнительное значение с учётом мнения О.Н. Шпакович, в соответствии с которым актуализируется возможность контроля со стороны МС ООН за правомерностью актов ГА ООН и СБ ООН [35, с. 157]. Это может позволить в будущем снизить уровень нарушений норм международного права со стороны международных организаций ещё до момента выполнения их противоправного решения. При этом следует отметить, что не только МС ООН в лице СБ ООН имеет рычаги влияния на субъектов, отказывающихся выполнять его решения (Суд ЕС, ст. 260-261 Договора ЕС; ЕСПЧ, ч. 4 ст. 39, ст. 46 Конвенции 1951 г.; ОРС ВТО, ст. 21 Договорённостей о правилах и процедурах урегулирования споров). Принимая это во внимание, нужно помнить об ограниченности компетенции этих судебных органов в сравнении с компетенцией МС ООН.

Выводы. Таким образом, применение системы МС ООН к деятельности международных организаций, после внесения соответствующих изменений в уставы ООН и МС ООН, позволит эффективно решать круг тех вопросов их ответственности по международному праву, которые на сегодня ещё не имеют своего фактического проявления, задевают широкий спектр правоотно-

шений, не имеют достаточного регулирования, угрожают международному миру и безопасности, где задействовано много сторон и требуется применение принудительных мер для выполнения решения суда в части угрозы или применения силы. Для дополнительной гарантии выполнения решений МС ООН целесообразно в уставы ООН и МС ООН включить положения об обязательности сторон спора подавать периодические отчёты в МС ООН по выполнению его решений. Также в случае необоснованного затягивания сторонами конкретного дела по выполнению решения МС ООН, уполномочить последнего накладывать на соответствующую сторону или сторон штраф в определённой фиксированной сумме с последующим начислением пени за весь период такого невыполнения.

Список использованной литературы:

1. Доповідь Уповноваженого з прав людини ВРУ Н.І. Карпачової на Міжнародній конференції «Проблеми застосування практики Європейського суду з прав людини в правовій системі України» від 1 липня 2011 року // Вісник Верховного Суду України. – 2011. – № 7 (131). – С. 15–19.
2. Case Concerning the Factory at Chorzow (Germ. v. Pol.) // P.C.I.J., Series A, №. 9. – P. 32.
3. Paparinskis M. Procedural Aspects of Shared Responsibility in the International Court of Justice / M. Paparinskis // Journal of International Dispute Settlement. – 2013. – Vol. 4. – №. 2. – P. 295–318.
4. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948–1991. – Нью-Йорк : ООН, 1993. – 286 с.
5. Wolfrum R. Presentation to Panel II: Advisory opinions: are they suitable alternative for the settlement of international disputes in Wolfrum R., Gatzschmann I. International dispute settlement: room for innovations. – Heidelberg : Springer, 2013. – 459 p.
6. Шибаева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры деятельности международных организаций : [учеб. пособие] / Е.А. Шибаева, М. Поточный. – М. : Издательство МГУ, 1988. – 169 с.; Nollkaemper A. Introduction: Procedural Aspects of Shared Responsibility in International Adjudication / A. Nollkaemper // Journal of International Dispute Settlement. – 2013. – Vol. 4. – №. 2. – P. 277–294.
7. Шибаева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры деятельности международных организаций : [учеб. пособие] / Е.А. Шибаева, М. Поточный. – М. : Издательство МГУ, 1988. – 169 с.
8. Rosenne S. The law and practice of the international court 1920–2005 in IV Vol. – Vol. I: The court and the United Nations. – Leiden : Koninklijke Brill NV, 2006. – 2012 p.
9. Hudson M.O. Twenty-fourth year of the world court / M.O. Hudson // AJIL. – 1946. – № 40. – P. 1, 30.
10. Jessup P. A modern law of nations : an introduction. – New York : Macmillan, 1948. – 236 p.
11. Bowett D.W. The Court's role in relation to international organizations in Lowe V., Fitzmaurice M. (Eds.) Fifty Years of the International Court of Justice: Essays in Honour of Sir Robert Jennings. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 684 p.
12. Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (the former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece), Judgment of 5 December 2011 // I.C.J. Reports 2011. – P. 661.
13. Nollkaemper A. Introduction: Procedural Aspects of Shared Responsibility in International Adjudication / A. Nollkaemper // Journal of International Dispute Settlement. – 2013. – Vol. 4. – №. 2. – P. 277–294.
14. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment on 19 December 2005 // I.C.J. Reports. – 2005. – P. 206.
15. Дело касающееся правомерности применения силы (Югославия против Канады) (Временные меры) : Постановление МС ООН от 2 июня 1999 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1997–2002 гг. – Нью-Йорк : ООН, 2006. – 298 с.
16. Дело касающееся правомерности применения силы (Югославия против Канады) (Временные меры) : Постановление МС ООН от 2 июня 1999 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1997–2002 гг. – Нью-Йорк : ООН, 2006. – 298 с.
17. Case concerning armed activities on the territory of the Congo (Congo v. Uganda), Judgment of 19 December 2005 // Reports of judgments, advisory opinions and orders of International Court of Justice. – 2005 (General list No. 116). – P. 209, 223–224, 226–227, 280–282.
18. Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. USA), Judgment of 27 June 1986 // Reports of judgments, advisory opinions and orders of International Court of Justice. – 1986 (General list № 70). – P. 149.
19. Second report on the content, forms and degrees of international responsibility (Part two of the draft articles), by Mr. Willem Riphagen, Special Rapporteur, A/CN.4/344 and Corr.1 (English only) & Corr.2, Extract from the Yearbook of the International Law Commission. – 1981. – Vol. II (1). – P. 92.
20. The Corfu Cannel Case (Merits), Judgment of April 9th 1949 // I.C.J. Reports of judgments, advisory opinions and orders. – Leyden : A.W. Sijthoff's Pub., 1949. – P. 23, 36.
21. The Corfu Cannel Case (Assessment of the amount of compensation due from Albania to Great Britain), Judgment of December 15th 1949 // I.C.J. Reports of judgments, advisory opinions and orders. – Leyden : A.W. Sijthoff's Pub., 1949. – P. 250.
22. Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (the former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece), Judgment of 5 December 2011 // I.C.J. Reports 2011. – P. 693.
23. Oxman B.H. Human Rights and the United Nations Convention on the Law of the Sea / B.H. Oxman // Columbia Journal of Transnational Law. – 1997. – Vol. 36. – P. 399.
24. Difference relating to immunity from legal process of a special rapporteur of the commission on human rights, advisory opinion of 29 April 1999 // I.C.J. reports of judgments, advisory opinions and orders. – 1999. – P. 87.
25. Case concerning application of the convention on the prevention and punishment of the crime of genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), judgment of 26 February 2007 // I.C.J. reports of judgments, advisory opinions and orders. – 2007. – P. 202.

26. Денисова Д.О. Міжнародно-правова відповідальність міжнародних міжурядових організацій : дис. на здоб. наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.11 «Міжнародне право» / Д.О. Денисова ; Український державний університет фінансів та міжнародної торгівлі. – К., 2013. – 255 с.

27. Final report of the ILA on the Accountability of international organizations. Berlin conference 2004 of the International Law Association. – 2004. – P. 49, 51–53.

28. Дело касающееся правомерности применения силы (Югославия против Канады) (Временные меры) : Постановление МС ООН от 2 июня 1999 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1997–2002 гг. – Нью-Йорк : ООН, 2006. – 298 с.

29. Case concerning border and transborder armed actions (Nicaragua v. Honduras), Judgment of 20 December 1988 // Reports of judgments, advisory opinions and orders of International Court of Justice. – 1986 (General list № 74). – P. 83.

30. U.S. Department of State, Report of the U.S. Delegation to the Ninth International Conference of American States, Washington, 1948. – C. 48.

31. Case concerning the Northern Cameroons (Cameroon v. United Kingdom), Preliminary Objections, Judgment of 2 December 1963 // I.C.J. Reports. – 1963. – P. 34.

32. Certain expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2 of the Charter, Advisory opinion of 20 July 1962 // I.C.J. Reports of judgments, advisory opinion and orders. – 1962. – P. 163.

33. Legal Consequences for States of the Constituted Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion of 21 June 1971, I.C.J. Reports of judgments, advisory opinion and orders. – 1971. – P. 52, 54–58.

34. Міжнародне судочинство / кол. авт. ; За заг. ред. акад. НАН України Ю.С. Шемшученка. – К. : ТОВ «Видавництво «Юридична думка», 2009. – 260 с.

35. Шпакович О.М. Розвиток правових механізмів реалізації активів органів міжнародних організацій : дис. на здоб. наук. ступ. док. юрид. наук : спец. 12.00.11 «Міжнародне право» / О.М. Шпакович ; Інститут міжнародних відносин КНУ ім. Тараса Шевченка. – К., 2012. – 413 с.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Денис КОВАЧ,

аспирант кафедры земельного и аграрного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article analyzes the individual problems of legal regulation of the right of private ownership of land. Particular attention is paid to the analysis of the existing procedure of state registration of ownership of land by citizens of Ukraine. These shortcomings of the land legislation and proposed solutions to individual legal problems. Author comes to conclusion that the emergence of private ownership of land is carried out in the manner prescribed by law. This procedure (procedure) consists of a single coherent stages (steps) which ensures the passage of interest subject observance of his rights.

Key words: land, the procedure of state registration of ownership of land, the emergence of private ownership of land.

Аннотация

В статье проанализированы отдельные проблемы правового регулирования возникновения права частной собственности на земельный участок. Особое внимание уделяется анализу действующей процедуры государственной регистрации права собственности на земельные участки гражданами Украины. Указаны недостатки земельного законодательства и предложены пути решения отдельных правовых проблем. Автор приходит к выводу, что возникновение права частной собственности на земельный участок осуществляется в порядке, установленном законом. Данный порядок (процедура) состоит из отдельных логически последовательных стадий (шагов), прохождение которых гарантирует заинтересованному субъекту соблюдение его прав.

Ключевые слова: земельный участок, процедура государственной регистрации права собственности на землю, возникновение права частной собственности на землю.

Постановка проблемы. Проведение в Украине земельной реформы обуславливает необходимость теоретического осмысления процедуры возникновения права собственности на земельный участок. В современных условиях данная проблема приобретает теоретический интерес и практическое значение, поскольку с 2013 г. процедура регистрации прав на землю претерпела существенные изменения. Прежде всего, это связано с принятием Закона Украины «О государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и их обременений» и «О государственном земельном кадастре».

Новеллой в законодательстве Украины является то, что вместо существовавшего ранее Государственного реестра земель был введен Государственный земельный кадастр, в котором фиксируется формирование земельных участков, а также создан Государственный реестр прав на недвижимое имущество и их обременений, содержащий информацию, касающуюся оформления прав на земельные участки.

Законодательно урегулированные процедуры в сфере возникновения права собственности на землю должны обеспечивать реализацию основных принципов земельного права.

Целью статьи является исследование процедуры возникновения права собственности на земельный участок у граждан Украины на основании бесплатной передачи из земель государственной и коммунальной собственности, приватизации земельных участков, ранее предоставленных им в пользование, а также особое внимание уделено государственной регистрации прав на земельные участки.

Состояние исследования. Научный анализ процедуры возникновения права собственности на земельный участок осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать таких, как А. Гетьман, В. Андрейцев, В. Носик, М. Шульга, Н. Ильків, В. Семчик, П. Кулинич и других, работы которых служили фундаментальной базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов.